

анализируются в позитивном смысле, есть вера, божественное начало в мире и человеке, что создает ощущения «легкости».

Характеристика экзистенциализма как идеалистической «утопии», из-за оторванности от реальных вещей, на наш взгляд объективна только по отношению к религиозному экзистенциализму. так как он не в состоянии указать на дальнейшее развитие научного экзистенциализма, но другие его направления более перспективны. Например, идеи атеистического экзистенциализма интегрируются в науку (в психологию) и тем самым сохраняют свою самостоятельность.

Мы выделили три основные идеи экзистенциализма: единство (целостности) субъективного и объективного, центрированность на индивидуальных переживаниях (идея индивидуальности), идея личностного (нравственного, духовного) развития через проживание эмоционального кризиса. Таким образом, экзистенциализм создал мир духовных сущностей и тем самым дал почву для дальнейших разработок теоретических методов и концепций в сфере чувственного, индивидуального опыта человека, создавая предпосылки для той или иной идентификации личности.

П.Л. ЗАЙЦЕВ

г. Омск

ИДЕНТИФИКАЦИЯ СТАРЧЕСТВА В ТРАГЕДИЯХ СОФОКЛА «ЭДИП-ЦАРЬ» И «ЭДИП В КОЛОНЕ»

Когда Софокл писал «Эдипа-царя» великому трагику было семьдесят пять лет. Удивительно ли, что большинство действующих лиц произведения – старцы: прорицатель Тересий, гонец из Коринфа, пастух Лая, прежнего правителя Фив («старик глубокий, он в одних годах с гонцом»). Таковым предстоит стать и главному герою трагедии Эдипу, но в ее начале, на лестнице фиванского дворца, он «мужчина в самом расцвете сил». Софокл наделяет Эдипа перечнем всех благ, что могут покориться мужчине, а также только добрыми, почти отцовскими чувствами по отношению к своему народу. «Несчастливы вы дети! Знаю, знаю, / Что надо вам. Я вижу ясно: все / Страдаете. Но ни один из вас / Все ж не страдает так, как я страдаю: / У вас печаль лишь о самих себе, / Не более – а я душой болею / За город мой, за вас и за себя» [3. Ст.60]. В этом фрагменте Эдип предстает олицетворением мужской доблести, он обладает многим, он добился всего сам, но не для себя. Он идеальный муж и правитель. Между тем невидимая им доселе, неосознаваемая часть самого себя, неидентифицируемая старость уже начинает быть заметна окружающим, и, прежде всего, жене и матери Эдипа, Иокасте.

Вспоминая облик Лая, она свидетельствует: «Он был высок и с проседью серебристой, – / На вид почти таков, как ты сейчас» [3. Ст.720]. В чем смысл этих слов? Карма «комплекса Эдипа» лежащая на произведении Софокла, позволяла видеть в сказанном указание на внешнее сходство сына и отца, но ведь Иокаста прежде всего отмечает равенство в возрасте сегодняшнего Эдипа с Лаем на момент его смерти! То, что данная интерпретация реплики Иокасты верна, указывает формулировка вопроса Эдипа, на который она стала ответом: «Каков был Лай? Он молод был иль стар?». На вопрос, «Каков был Лай?» Иокаста указывает – высок и сед, на вопрос о возрасте ее мужа, отвечает, сравнивая его с Эдипом и, что не менее важно, сравнивая Эдипа с ним. То же, что Лай умер старцем, говорят многие персонажи трагедии, включая Эдипа: «Возница и старик / Меня сгонять с дороги стали силой» [3. Ст.780]. Приход двух старцев, вестника из Коринфа и киферонского пастуха, согласно замыслу Софокла, призван «согнать с дороги» самого Эдипа. Каким образом? Вестью о его прошлом или будущем? Не является ли принесенное ими известие, вестью о старости? Коринфский вестник сообщает, что «смерть свела в могилу» еще одного старца трагедии, Полиба, приемного отца Эдипа. Но эта лишь та часть его вести, что призвана принести царю скорбь. Радость же состоит в том, что коринфяне хотят видеть Эдипа на его месте. На месте старца! Но Эдип уже пребывает на месте старца – и это известие приходит к нему от киферонского пастуха. Внезапно открывшаяся правда чересчур ослепительна и Эдип спешит ослепить себя – так описывает случившееся далее Боннар [1. С.112.]. Однако, между открытием тайны своего предназначения и ослеплением происходит еще ряд событий, нуждающихся в разъяснении. Эдип мечется по дому, «он требовал меча, искал жену» [3. Ст.1230], но не найдя, ломает двери спальни, видит повесившуюся Иокасту и уже после, вынув ее из петли и уложив на супружеское ложе, ослепляет себя. Найди Эдип меч, бросься на него у ложа супруги, он бы обманул старость, равно как и богов приговоривших к ней Эдипа. Но спасение от старости через саморазрушение – доля Иокасты, не его.

Эдип остается жить, перестав быть мужем, слагая с себя обязанность отцовства (отныне отец и судья его детям – Креонт). Теперь он старец – не стремящийся ни к новой жене, ни к новому супружескому ложу. Отныне у него не будет ничего нового, лишь воспоминания об ушедшем. В этом и заключается та тайна старости, что стала известна Софоклу. Завершает трагедию хор старцев, не осуждающих кровосмешение и не бросающих

вызов богам, покаравшим Эдипа столь несправедливо, но возвещающих о пределе жизни: «Значит смертным надо помнить о последнем нашем дне, / И назвать счастливым можно, очевидно, лишь того, / Кто достиг предела жизни, в ней несчастий не познав» [3. Ст.1490]. В этих строках Софокл расстается с Эдипом, оставляя его, теперь уже мертвого глазами старца, на ступенях царского дворца. Он спокоен за Эдипа, пусть тот уже не может передвигаться сам и нуждается в провожатом, защищен судьбою, куда более тех, что сожалеют о нем. У него не осталось силы, но зато к нему пришло знание. Уже ничто не затуманит его взор, обращенный в вечность. Слепота Эдипа вообще один из самых многослойных образов трагедии Софокла, своеобразный модус старчества, ныне как и Тересий он способен узреть незримое, эта награда отнявшей у него силы для свершений старости, еще не оценена Эдипом, но в «Эдипе в Колоне», Софокл в полной мере раскрывает значение этого дара. Он делает Эдипа равным богам. Как и боги, Эдип, познавший все, остается непознанным. Когда Софокл писал «Эдипа в Колоне», ему было девяносто. Новый сюжет определяет не миф, но собственный личный опыт драматурга, его познания о глубокой старости. Что позволяет человеку выдержать идентификацию старостью? Эдип свидетельствует Антигоне, что это терпение, покорность судьбе и твердость духа. Из последующего текста приходит понимание еще одно качества, замеченного нами и в паре строчек «Эдипа-царя». Обращаясь к Креонту, Эдип просит его не заботиться о своих сыновьях, «выросли они» – стали мужами. Они отныне объект своей собственной заботы. В роще Евменид Эдип с проклятием отстраняет от себя пришедшего к нему с просьбой о поддержке и помощи старшего сына, Полиника: «Ты никогда / Не опрокинешь Фивы, сам падешь, / Запятнан братской кровью, вместе с братом. / На вас и раньше я призвал проклятья / И ныне их в союзники зову» [4. Ст.1372]. Отец, что прогнан детьми, обречен на нищету и изгнание, при всем своем всеведении не способен на прощение и поддержку. Почему? Его жестокость – жестокость Тересия, найденного когда-то возжелавшим прорицаний Эдипом. Его проклятья отгораживает старца от прошлого, не от будущего. Слепец просит оставить его в покое, он знает, что его предвидение ничего не изменит в судьбе Полиника. Ему нет дела до земных дел. Узрев вечность, Эдип порывает последние нити, что связывают его со всем временным, бранным, земным. Он свободен и от всякого страха, он знает будущее, чужое и свое, и в этом знании он равен богу. Хор поет ему о вечном сне, и он следует в свою «священную могилу» [4. Ст.1544].

«Древняя трагедия разыгрывалась в идеальном мире» – сообщает нам Кольридж [2. С.244]. Однако из этого, идеального мира она позволяла вынести некоторое знание, востребованное в том действительном мире, к которому принадлежали ее авторы, актеры, зрители. В данном случае из осколков мифа и собственной жизни Софоклу удастся синтезировать некое новое знание о новой личностной идентичности. О той идентичности, что будучи вынесена за пределы человеческого самим временем, оставалось доселе незамеченным. Софокл же не только находит у старости черты, позволяющие человеку жить дальше, но и описывает процесс искусственного, преждевременного старения. Это нанесение себе увечий, делающих мужа – калекой, провоцирующие ранний отказ от супружества и отцовства (сыновья Эдипа уже окрепли, но дочери еще не замужем и нуждаются в заботе). Для культуры, не знавшей монашества, уверенная рука Софокла вычерчивает основные грани возможной модели человеческого жизнепрживания, а не жизнедоживания. Софокл показывает и то, что для старчества более важен отказ от супружества, а также всего проходящего, бренного, земного, чем физическое старение, отрывающее мужчину от этих жизненных оснований. Подобная весть, только не в литературной, а в религиозной обработке была озвучена на Востоке его современником, Буддой.

Литература

1. Боннар А. Греческая цивилизация: В 3 т. Т.2. От Антигоны до Сократа. М., 1992.
2. Кольридж С.Т. Происхождение драмы // Кольридж С.Т. Избранные труды. М., 1987.
3. Софокл Эдип-царь / Пер. с древнегреч. С.В. Шервинского.
4. Софокл Эдип в Колоне / Пер. с древнегреч. С. В. Шервинского.

В.И. МЕЛЬНИК

г. Екатеринбург

ЦИВИЛИЗОВАННОСТЬ КАК МЕРА ИНДЕНТИФИКАЦИИ ФОРМ ОРГАНИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА

Цивилизованность общества во многом зависит от цивилизованности его представителей, а также природных, материальных и духовных условий реализации и развития их жизнедеятельности. Не менее важны в повышении цивилизованности общества политические, юридические и моральные формы его организации. От степени цивилизованности/нецивилизованности их практической реализации существенно зависит качество жизни и поведения людей.